От государи мои прошу, что был я у барина в Москве, у своево господина с оброком, поехал я домой, и случилась мне в дороге горушка крутая, а лошадка та у меня была молодая, до полугоры ставала, а посреде горы и пала; тут я стосковался тут я згоревался вынял клепичище, содрал кожурище, взошед на гору повесил кожурище подле дороге на храбастищу, а тово я в горесии не видал, что против боярского дому стоял; со двора увидел меня холоп, барской человек, пришед ко мне ну меня бить, ну меня увечить: Мужик-дурак, зачем ты против барсково окна падинны кожи вешаш? Шкуру ту он с храбастины снял, а меня домой в шею протолкал. Судьи ему на то: Мужик, кавтан от у тебя сер, а ум от веть не черт съел — што взять на холопе, на барском человеки? Поежай ты теперь домой, мы дело то разыщем, да и за тобою пришлем. Суд от за мной не присылал, а сам то я у них не бывал, и видно что с воза то упало, то уже все пропало. Итак мы, сваты, пойдем-ко в кабачище, да выпьем по стакану винища, да поедем ко домой, да станем работать, да денежки наживать, полно с судьями знатце, лутче от них удалятся, когда много с приказной избой поводишся, то и нак и бос находишся. Прощайте.

(ГЛМ, Собр. рукописей, № 55, лл. 45—47).

III

Писмо олонецкаго бывшаго с приписью подъячего Клима Нефедьева, писанное с того света, к сыну ево Артамону

Любезной мой сын, Артамон,
не пренебрегаю я что ты сухорук и хром.
при сем тебе объявляю,
и о здешнем житии напоминаю.
По приходе моему суда,
не мог я избыть без суда,
у Иуды я много раз был,
вместо кофии смолу отборную пил.
По несчастию здесь моему,
не застал я в жилище сатану;
пред приходом моим в тартар пошел,
и там многих тавлинцев нашел,
обратно назад не бывал,
тюрмы делать им стал.
А живу я во мздоимческом остроге,
при болшой тартарской дороге,
определен я пивоваром,
вечным адским смоловаром.
И тут я копеичку принаживу,
а своих денежек не проживу.
Харчем здесь нас не морят,
мышей и лягушек с червями варят.
Да теперь, сын, как можно поспешай,
денег для роздачи в проценты присылай,
калугу в дорогу з денгами нанимай,
а ему за труды хотя пять сот рублей давай,
другому суда не дойти,